

Валерий Кузнецов
Аксаковские хроники

Очерки русской словесности

Валерий Кузнецов

**Аксаковские хроники.
Очерки русской словесности**

«Издательские решения»

Кузнецов В.

Аксаковские хроники. Очерки русской словесности /
В. Кузнецов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969234-4

«Аксаковские хроники» — публицистический рассказ о жизни и творчестве представителей семьи Аксаковых: её основателе — «патриархе русской литературы» Сергее Тимофеевиче Аксакове — авторе всемирно известной дилогии «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» и других произведений, его детях Константине, Иване, Вере Аксаковых; о душеобразующем участии наших современников в возрождении Аксаковских мест — «родине творчества» С. Т. Аксакова — ныне села Аксаково Бугурусланского района Оренбуржья.

ISBN 978-5-44-969234-4

© Кузнецов В.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1 Великое Семейство	9
Ухожу я в мир природы...	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Аксаковские хроники Очерки русской словесности

Валерий Кузнецов

© Валерий Кузнецов, 2019

ISBN 978-5-4496-9234-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Как часто в серьёзных делах мы обязаны случаю! Когда-то, давно, в советскую эпоху – в 1970 году в Оренбургскую писательскую организацию пришло письмо Председателя правления Союза писателей России, автора Гимна Советского Союза и книг для детей Сергея Владимировича Михалкова. В письме рекомендовалось обследовать литературные места Оренбуржья. На слуху к таковым относились «аксаковские места». И в писательскую командировку в село Аксаково, что под Бугурусланом, выпало отправиться мне, студенту-заочнику Литературного института им. А. М. Горького, тогда ещё, по своей первой профессии топографа, лёгкому на подъём.

По тем временам, как и большинство моих ровесников, из аксаковского наследия я знал только пришедшую из детства сказку «Аленький цветочек». Надо сказать, многие из нас, рождённых в сороковых, прошли извечный путь «российских мальчиков» – окольный путь по западным дорогам сознания. Мало кого из нашего поколения, входившего в жизнь, обошёл тогдашний бум западной литературы. Для примера, тираж четырёхтомника «модного» Эрнеста Хемингуэя был невообразимый для сегодняшних дней: 200 тысяч экземпляров, «Рассказы» одного из его учителей Шервуда Андерсона – 150 тысяч, книга прозы Генриха Бёлля «Долина грохочущих копыт» – 100 тысяч.

Не обойтись без объяснения собирательной фразы «многие из нас». В начале 60-х годов группа студентов оренбургских вузов, молодых рабочих, служащих, школьников-старшеклассников литературно объединилась под крышей редакции областной молодёжной газеты «Комсомольское Племя». До этого каждый, как мог, сам искал свои тропки к литературе и жизни в «отрицательном вакууме», оставленном идеологическим официозом.

Свидетельством времени до сих пор на книжной полке – едва ли не первые «неформальные» учителя нашей юности: Бодлер, Верлен, Тувим, Ивашкевич, Превер, Лорка, Рильке, Фрост – их творчество вошло в популярную тогда многотиражную (50—100 тысяч экз.) серию «Стихи зарубежных поэтов». То же можно сказать и о прозе: Ремарк, Хемингуэй, Сэлинджер, Бёлль... Поклон памяти их всех, отодвинувших наши личные горизонты, заставивших увидеть мир и слово в неведомых дотоле отношениях. Не оброню упрёка в их сторону, и всё же занимались мы в то время пусть и талантливым, но второстепенным. До простой, кажется, лежащей наверху мысли, что для русского литератора главное во все времена – это судьбы его народа и его земли, предстояло ещё дорасти, «дострадаться».

Не давала выходов из тупиков поразившая было вначале и шумевшая в положенных рамках эстрадная поэзия с главными её выразителями – хранителями революционных заветов Окуджавой, Евтушенко, Вознесенским, Рождественским. Душа требовала простоты самовыражения, философски здорового, непосредственного общения с действительностью. Как не хватало в те годы современного поэтического Аввакума с громко-державным талантом – шло уничтожение «неперспективных» деревень – сельской России, издревле кормившей не только отчество, но и полмира. Мало ещё кому известный, тихо строил свою вселенную русский поэт из вологодских весей Николай Рубцов.

Прочитанный перед командировкой за один присест аксаковский четырёхтомник «С. Т. Аксаков», вышедший в 1955 -1956 годах, был необыкновенным изданием. Автор предисловия к нему, профессор кафедры русской литературы Литературного института им. А. М. Горького, где я тогда учился, С. И. Машинский писал: «Трудно найти другого крупного писателя XIX века, творчество которого было бы изучено так недостаточно. Его литературное наследие не собрано, многие произведения, затерянные в современных ему изданиях, не выявлены; не учтены и те произведения, которые не были опубликованы при жизни автора и до сих пор остаются достоянием архивов».

Тираж четырёхтомника – 150 тысяч, громадный для наших дней, был, конечно, мал для советских читателей, по тем временам, действительно, в «самой читающей стране». Скорей всего, малым оказался бы и миллионный тираж. После почти четырёх десятилетий советской власти это было первым изданием «патриарха русской литературы» С. Т. Аксакова. Скромно оформленные зелёные тома с тиснением на обложке, объединённые главным действующим лицом: непохожим ни на кого подростком Серёжей Багровым, потом восторженным юношей, потом зрелым мастером, стали для меня, пристрастного читателя, художественным и жизненным откровением...

Зная детские истоки этой личности, легче было проследить эволюцию, творческое повзросление Серёжи до писательского феномена Сергея Тимофеевича Аксакова с его театральными и литературными воспоминаниями, его трогательно-бережными, родственными по глубине чувствами к Николаю Васильевичу Гоголю – основой одних из самых глубоких, на мой взгляд, мемуаров «История моего знакомства с Гоголем».

В 1970 году в Южно-Уральском книжном издательстве вышла третьим изданием книжка литературоведа, краеведа и литературного критика Николая Ефимовича Прянишникова «Писатели – классики в Оренбургском крае», по обращению к русскому классическому наследию довольно смелая для своего времени. Но в очерке «Сергей Тимофеевич Аксаков» говорилось лишь о родовом доме Аксаковых времён детства его главного героя Серёжи Багрова – слишком много неуютных фактов пришлось бы извлечь на свет Божий, чтобы сказать правду о советском периоде мемориальных мест. До постановления Совета Министров РСФСР «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в свете Закона СССР и Закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры», выхода феноменального по культурной отдаче альманаха «Памятники Отечества», радикально меняющих идеологическую и культурную оценку дореволюционного прошлого, оставались ещё долгие десять лет...

Очерк Прянишникова не отвечал, да и не мог по цензурным условиям тех лет ответить на вопрос о послереволюционной судьбе Аксаковского имения: в 1970 году в стране, живущей под лозунгом: «Коммунизм – светлое будущее всего человечества», политически некорректно было бы объявлять миру, что усадьба великого писателя стёрта с лица земли. По устно объявленной цели командировки сделать это предстояло мне, далеко не первому, как узнал позже, участнику аксаковских мемориальных забот.

«Семейную хронику» писатель закончил обращением к действующим лицам, которое звучит для их памяти «охранной грамотой», а для нас, их дальних потомков, духовным завещанием: «Вы не великие герои, не громкие личности; в тишине и безвестности прошли вы своё земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь, в свою очередь, будем любопытны и поучительны для потомков... Да не оскорбится же никогда память ваша никаким пристрастным судом, никаким легкомысленным словом!».

Увы, всей самоубийственной практикой двадцатого века потомки доказали, что жизнь великих предшественников может быть и не любопытна, и не поучительна, а скорый суд культурных наследников настолько же пристрастен, насколько легкомыслен. Аксаковский дом, переживший катастрофические двадцатые, тридцатые и военные сороковые годы прошлого века, подготовленный к капитальному ремонту в начале пятидесятых, не устоял в шестьдесят втором году. Идеологи хрущёвской «оттепели», принёсшей немало культурных бед России, подтвердили, что нельзя отрицать духовное содержание культуры лишь «отчасти». По свидетельству Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, в Оренбуржье в 1961—1962 годах, в начале советского освоения космоса, были так же,

как и аксаковский дом, разрушены Петропавловская и Никольская церкви в Бузулуке и Орске, молитвенный дом в Оренбурге...

Какую же художественную Атлантиду затопил собою океан послеоктябрьской литературы, какие славные имена, стоявшие у истоков русского и российского художественного сознания, оказались после революции на десятки лет забытыми?

Часть 1 Великое Семейство

Ухожу я в мир природы...

С. Т. Аксаков

Бывает: далеко от замусоренного и загазованного шоссе, от разрушающих слух индустриальных шумов набредёшь на блистающую клейкими листьями березовую рощицу, на ещё нехоженую в эту весну полянку, сладко рухнешь наземь, навзничь на яркую траву, дашь солнечным пятнам вольно скользить по лицу... И эта полянка с первобытно-прекрасным дыханием молодой травы и листьев, с тенями, лёгким ветром и высокими облаками вдруг покажется тебе образом творчества Аксакова.

Нет в России другого писателя, так полно и мощно, так язычески связанного с природой. Может быть, прошлое, прозревая будущее, готовило нам его слово, как надежду на спасение. И если его современники не расслышали в гармонии его искусства диссонансов, вносимых человеком – «заклятым и торжествующим изменителем лица природы», это нужно учиться делать нам на катастрофически загрязнённой нами планете.

В 1791 году в губернском городе Уфе 20 сентября (1 октября по новому стилю) в семье прокурора Верхнего земского суда Тимофея Степановича Аксакова и дочери помощника орен-

бургского наместника Марии Николаевны Зубовой родился «крепкий мальчик» – «желанный, прошенный и молёный, он не только отца и мать, но и всех обрадовал своим появлением на белый свет; даже осенний день был тёпел, как летний!...». Это был будущий автор выдающихся в русской и мировой литературе книг «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», записок об охоте и рыбной ловле и другого.

Старинный, «семисотлетний» дворянский род Аксаковых, о чём упоминает хроника, восходит к «знаменитому роду Шимона» (по крещении Симона) – племянника норвежского короля, легендарного варяга, выехавшего с дружиной к великому князю Ярославу Владимировичу в Киев в 1027 году. Фамильный герб Аксаковых на современный взгляд может показаться наивно-сентиментальным: на увенчанном дворянским шлемом с короною серебряном щите, который придерживают два воина в латах – красное сердце, пронзённое стрелой. Герб смотрится довольно точной метафорой образа самого писателя с его внешне добродушной неторопливостью и «нервически-пылкой», по словам Гоголя, натурой. На этом аналогии не кончатся, запомним этот герб, – мы ещё вернёмся к нему.

Своей литературной судьбой С. Т. Аксаков во многом обязан знакомством с великим Державиным под занавес его жизни. На этом полугодовом дружеском общении начинающего театрального критика и декламатора, каким был тогда Сергей Аксаков, с первым поэтом России стоит остановиться.

После Пушкина значение Державина наиболее глубоко оценил Гоголь: «Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов. Разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми, на что бы никто не отважился, кроме Державина. Кто бы посмел, кроме его, выразиться так, как выразился он в одном месте о том же своём величественном муже, в ту же минуту, когда он всё уже исполнил, что нужно на земле:

И смерть, как гостью, ожидает,
Крутя задумавшись усы.

Кто, кроме Державина, осмелился бы соединить такое дело, каково ожидание смерти, с таким ничтожным действием, каково кручение усов?»

В своих уникальных по психологическим откровениям воспоминаниях «Знакомство с Державиным» С. Т. Аксаков писал: «... Я благоговейно, но смело вошёл в это святилище русской поэзии. Гаврила Романыч сидел на огромном диване, в котором находилось множество ящичков; перед ним на столе лежали бумаги, в руках у него была аспидная доска (письменная доска из ископаемого серо-чёрного сланца. – В.К.) и грифель, привязанный ниткой к рамке доски; он быстро отбросил её на диван, встал с живостью, протянул мне руку и сказал: «Добро пожаловать, я давно вас жду. Я читал ваши прекрасные стихи (Перевод Филоктета. Державин был плохой судья и чужих, и своих стихов. – С. Т. Аксаков), слышал, что вы мастерски декламируете, и нетерпеливо хотел с вами познакомиться». Державин был довольно высокого роста, довольно широкого, но сухощавого сложения; на нём был колпак, остатки седых волос небрежно из-под него висели; он был без галстука, в шёлковом зелёном шлафроке, подпоясан такого же цвета шнурком с большими кистями, на ногах у него были туфли; портрет Тончи походил на оригинал, как две капли воды. Я отвечал Державину искренно, что «считаю настоящую минуту счастливейшей минутой моей жизни, и если чтение моё ему понравится...». Он перервал меня, сказавши: «О, я уверен, что понравится; садитесь вот здесь, поближе ко мне», – и он посадил меня на кресло возле самого дивана. «Вы чем-то занимались, не помешал ли я вам?» – «О, нет, я всегда что-нибудь мараю, перебираю старое, чищу и глажу, а нового не пишу ничего. Моё время прошло. Теперь ваше время. Теперь многие пишут славные стихи, такие гладкие, что относительно версификации уже ничего не остаётся желать. Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в лицее перещеголял всех писателей. Но позвольте: ведь мы с вами с одной стороны? Вы оренбурец и казанец, и я тоже; вы учились в казан-

ской гимназии сначала и потом перешли в университет, и я тоже учился в казанской гимназии, а об университете тогда никто и не помышлял. Да мы с вами и соседи по оренбургским деревням... Моё село, Державино, ведь не с большим сто вёрст от имени вашего батюшки (сто вёрст считалось тогда соседством в Оренбургской губернии)...» Он завёл со мной довольно длинный разговор об Оренбургском крае, о тамошней природе, о Казани, о гимназии, университете и на этот раз заставлял уже больше говорить меня, а сам внимательно слушал. Я говорил без запинки, с одушевлением, и несколько раз наводил разговор на стихи, и, наконец, как-то кстати, прочёл несколько его стихов из стихотворения «Арфа», где он обращается к Казани: «О колыбель моих первоначальных дней...».

Лицо Державина оживилось, глаза его вспыхнули. «Вы хотите мне что-нибудь прочесть», – воскликнул он, и в глазах его засветился тот святой огонь, который внушил ему многие бессмертные строфы. «Всею душой хочу, – отвечал я, – только боюсь, чтобы счастье читать Державину его стихи не захватили у меня дыханья». Державин взглянул на меня и, видя, что это не комплимент, а чистая правда, схватил меня за руку и ласково промолвил: «Так успокойтесь»...

В своих воспоминаниях Аксаков не только сохранил для потомков «восторженные движения угасающего вулкана – Державина» (М. А. Максимович), но и попутно, скорей всего, не задаваясь этой целью, оставил убедительнейший психологический автопортрет.

Завершил записки Аксаков горячей благодарностью жизненному случаю: «Сколько простосердечия, теплоты, живости и благодушия сохранялось ещё в этом семидесятирёхлетнем старце, в этом гениальном таланте. ... Много добрых пожеланий и советов сказал он мне на прощанье, искренне благодарил за удовольствие, доставленное моим чтением; много предсказывал мне в будущем и даже благословил меня на литературные стихотворные труды. Он ошибался во мне, и потому предсказания не исполнились и благословение не пошло впрок (Державин не ошибался. Воспоминания писались в 1852 году, когда Аксаков, издав «Записки об уженье» и «Записки ружейного охотника», только работал над отрывками из «Семейной хроники», и литературное событие выхода в свет его дилогии было ещё впереди. – В.К.). Самый последний совет состоял в следующем: «Не переводите, а пишите своё, что в голову войдёт; в молодости переводить вредно: сейчас заразишься подражательностью; в старости переводите сколько угодно».

С глубоко растроганным сердцем вышел я из кабинета Державина, благодаря Богу, что он послал мне такое неожиданное счастье – приблизиться к великому поэту, узнать его так коротко и получить право любить его, как знакомого человека! Каким волшебным сном казалось мне всё это быстро промелькнувшее время! Державин знает, любит меня; он восхищался моим чтением, он так много говорил со мною; он считает, что я имею дарование, он говорил это всем, он сохранит воспоминание обо мне... Радостно билось моё сердце, и самолюбие плавало в упоении невыразимого восторга».

«Страстный актёр, страстный охотник, страстный игрок в карты, он был артистом во всех своих увлечениях», – так писал об отце Иван Сергеевич Аксаков. Живо воспринятые Аксаковым уроки Державинской этики и эстетики раздвинули творческие горизонты художника в пору его работы над автобиографической дилогией. Близость творческих темпераментов гениального мастера и отзывчивого ученика, так связавшая их, не могла не помочь С. Т. Аксакову в поисках собственных средств художественного самовыражения.

Книги С. Т. Аксакова несут в себе светоносную личность автора – с ней неразрывно связано художественное очарование его страниц. Одним из первых пронизательно заметил это друг писателя, поэт, публицист и философ А. С. Хомяков: «Вы не можете знать его творений, не узнав в то же время его самого, не можете любить их, не полюбив его. Тайна его художества в тайне души, исполненной любви к миру Божьему и человеческому. Поэтами рождаются»...

Из аксаковского гимна в прозе когда-то громадной Оренбургской губернии, куда входил и нынешний Башкортостан, читатели «Семейной хроники» узнают, что первоначальное место действия его книг – художественно названное «село Багрово» – это село Знаменское бывшего Бугурусланского уезда, ныне района с тем же названием в северо-западном углу современной Оренбургской области. Здесь, в родовой усадьбе к северу от города Бугуруслана, «в двадцати пяти верстах от него» прошли детство, отрочество и первые годы после женитьбы С. Т. Аксакова. Ныне село носит имя всемирно прославившего его писателя. Эти места называют «родиной творчества» будущего писателя. Вот почему Аксаковская тема – один из главных символов современного Оренбуржья.

Аксаковские места в Оренбуржье – это речка Большой Бугуруслан, протекающая по усадебному саду с мемориальными остатками Липовой аллеи, древних сосен и ветел, современных писателю; это пруд, виды на окрестные холмы или «горы», как в его прозе, это буйное весенне-летнее разнотравье, словно глядящее на тебя множеством глаз-цветов, это облака, плывущие над бугурусланской долиной. Здесь подрастал, волновался избытком бытия будущий художник слова, здесь был прописан «действующий мир» произведений Аксакова «Записки об уженье рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Детские годы Багрова—внука», «Семейная хроника».

Одним из главных «героев» его книг: и первых, очерковых «Записки об уженье рыбы» (1847) и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), и более поздних художественных – видится природа. Не на её фоне, а в ней самой, девственно-роскошной, почти ещё не тронутой человеком – хищным преобразователем с его культом «временных выгод» – разворачивает писатель картины провинциально-дворянской жизни России второй половины XVIII – начала XIX веков.

Нельзя не сказать, что творчество С. Т. Аксакова не имеет ничего общего с расхожим определением художника как «певца природы». Творцы этого определения имели в виду, прежде всего, внешние, декоративные свойства природы. С пошлостью такого подхода резко спорил Тютчев:

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик —

В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык...

Поэт философски обличает эстетически глухое и слепое потребительство природы:

Они не видят и не слышат,

Живут в сём мире, как впотьмах,

Для них и солнца, знать, не дышат

И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,

Весна в груди их не цвела,

При них леса не говорили

И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,

Волнуя реки и леса,

В ночи не совещалась с ними

В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,

Органа жизнь глухонемой!

Увы, души в нём не встревожит
И голос матери самой!

Как любящий сын о матери-природе, С. Т. Аксаков с художественным восторгом, оттенённым лирической грустью от быстротекущего времени, пишет о заповедных местах в «Семейной хронике»: «Что за угодье, что за приволье было тогда на этих берегах! Вода такая чистая, что даже в омутах, сажени в две глубиною, можно было видеть на дне брошенную медную денежку! Местами росла густая урема (лес и кусты, растущие около рек) из берёзы, осины, рябины, калины, черёмухи и чернотала, вся переплетённая зелёными гирляндами хмеля и обвешанная палевыми кистями его шишек...»

Поражает пророческое предвидение художником беспощадной тяжбы цивилизации с породившей ее матерью—Землей. В середине XIX века С.Т.Аксаков произносит, может быть, первое в России экологическое предупреждение: «Но человек – заклятый и торжествующий изменитель лица природы!» Остерегать бы себя, слепому в своём могуществе, 20-му веку этим предупреждением, – не имели бы сейчас ни высохшего Аральского моря, ни мелеющего Урала, ни зеленеющей в летние месяцы и тоже мелеющей Волги, ни выветренных и смытых чернозёмов...

Далеко не случаен интерес читателей многих поколений к первооснове его образов – «уголку обетованному», как называл эти места писатель. Прототипом одного из «главных персонажей», пусть и безмолвным, стал выстроенный дедом писателя, переселившимся сюда вместе с крепостными крестьянами из Симбирской губернии, дом на высоком берегу Большого Бугуруслана. Это в его стенах, сложенных из мощных брусьев сибирской сосны, разыгрывались драмы трёх поколений Багровых, радовались и страдали действующие лица аксаковских повестей. С ним, этим домом, связан восторг поэзии открытия мира юным Серёжей Багровым. Дом, каждая комната, каждая вещь которого оказались как бы в фокусе любви и искусства, «прописан» не только в сознании отечественного читателя, но и в мировой литературе. В Англии, например, книги Аксакова попали в бестселлеры.

Кто со школьных лет не знает аксаковской сказки «Аленький цветочек»? В отличие от других у неё есть биография. Сказку о верности и силе любви впервые рассказала в дедовском Доме маленькому Серёже ключница Палагея из автобиографической повести «Детские годы Багрова – внука». Много лет спустя вынесенная писателем в приложение к повести, сказка эта сама по себе стала ключом к миру Аксакова. Переживая её не традиционный психологизм, наивный драматизм волшебного сюжета, яснее видишь художественные и нравственные искания писателя. Кажется уже, что во всей его прозе негасимо цветёт, озаряя всё вокруг мягким светом (не отсветы ли **перунова цвета, жар-цвета** славянской мифологии?), «аленький цветочек» как некая главная тайна народной жизни. Не сорвать, не лишить его корней, не потеряв при этом душу живу.

В главе этой повести «Первая весна в деревне» юный герой с детской свежестью и остротой первооткрытия восторгается неведомым дотоле миром из окон дедовского дома: Челябинской и Кудринской горами, речкой Большим Бугурусланом, грачовой рошей, «гумном на высокой горе»... Так навсегда распорядился писатель: захоти мы теперь увидеть те же ландшафтные памятники – наибольший «эффект присутствия» возникнет лишь при взгляде на них из окон Аксаковского Дома – рукотворного памятника времени. Не случайно его хочется назвать здесь с заглавной буквы. Дом как «участник» духовного формирования большого художника – достояние культурной сокровищницы народа.

Многое для становления собственного художественного стиля дало С. Т. Аксакову участие в литературной борьбе за имя А. С. Пушкина, в жизни отечественного театра, общественной русской жизни.

Говоря о художественном языке С. Т. Аксакова, нельзя пройти мимо статьи А. С. Хомякова «Письмо в Петербург», опубликованной в 1847 году. Автор указывает в ней на «русскую жизнь» в творчестве литературных учителей С. Т. Аксакова: Державина, Языкова, «особенно Крылова», Жуковского, Пушкина, Лермонтова, видит в их творчестве «живые следы старорусского песенного слова», которые «всегда живо и сильно потрясают русского читателя, согревая ему сердце чем-то родным и чего он сам не угадывает». Эта человеческая близость к сердцу читателя навсегда отнесла С. Т. Аксакова, по характерному выражению Ф. М. Достоевского, к «наблюдателям..., умеющим смотреть на народ без плевка».

В эпиграф ко второму изданию своих «Записок об уженье рыбы» писатель ввёл отрывок из послания к другу-поэту М. А. Дмитриеву:

Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И – в свои молодые годы.¹

Здесь предельно ясно выражены эстетическая и этическая программы классика русской литературы. Начало жизни как источник цельности и гармонии мира... Может быть, впервые в России С. Т. Аксаков выступил как художник органического соответствия «младых лет» человеческих вечному «миру природы». Природа в «Записках об уженье рыбы» видится автору и главному действующему лицу евангелием язычника с его обожествлением стихийных сил мироздания.

Вот как Аксаков объясняет такой взгляд во вступлении к запискам: «Деревня, не подмосковная (оренбургская и уфимская. – В.К.) – далёкая деревня, в ней только можно чувствовать полную, не оскорблённую людьми жизнь природы. Деревня, мир, тишина, спокойствие! Безыскусственность жизни, простота отношений! Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же бежать от неугомонной, внешней деятельности, мелочных, своекорыстных забот и попечений! На зелёном, цветущем берегу, над тёмной глубиной реки или озера, в тени кустов, под шатром исполинского осокоря или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями в светлом зеркале воды, на котором колеблются или неподвижно лежат наплавки ваши, – улягутся мнимые страсти, утихнут мнимые бури, рассыплются самолюбивые мечты, разлетятся несбыточные надежды! Природа вступит в вечные права свои, вы услышите её голос, заглушённый на время суетной, хлопотной, смехом, криком и всей пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнёте вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе. Неприметно, мало-помалу, рассеется это недовольство собой, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твёрдости воли и чистоте помышлений – эта эпидемия нашего века, эта чёрная немочь души, чуждая здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...»². Не поднялась рука оборвать эту великоватую цитату, – в ней нерв аксаковского мироощущения. Здесь предельно ясно выражены эстетическая и этическая программы классика русской литературы. Начало жизни как источник цельности и гармонии мира... Из своего запредельного далека писатель предлагает нам хорошо забытый в наше жестокое время ни много ни мало способ русского чувствования всей полноты мира. Не в этой ли благодати залог нашего спасения?

¹ Аксаков С. Т. Собрание сочинений в 4-х томах. Вступ. ст., подг. текста и примеч. С. Машинского. – М.: Худож. лит., 1955, т. 3, с. 685. Здесь и дальше ссылки на это издание.

² Аксаков С. Т. Записки об уженье рыбы. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2011. – с. 4—5

Позвольте, возразит ироничный современник, аксаковские идиллические картины и чувства давно стали музейными экспонатами! Увидел бы он сейчас разорённые социальными экспериментами деревни, зловонные стоки вместо прозрачных рек с прозрачными стрекозами! В том-то и дело, что художник-мыслитель предсказывал такое будущее. Но его не услышали...

Ещё не родился В. И. Вернадский с его всеобъемлющей теорией ноосферы (от греч. *νόος* – разум и сфера), радикально меняющей представления о неизбежности природной среды, ещё далеко до тревожного понятия «экология», а у Аксакова вырывается пророческое предвидение беспощадной тяжбы цивилизации с породившей её Матерью-Землей. Не видимое ещё никем, для него становится ясным фактом «оскорбление людьми жизни природы». Экологические предупреждения, как сказали бы сейчас, сквозят и в его последующих книгах.

Прошедшее с кончины С. Т. Аксакова время показало, по выражению Гёте, «что весит человек на весах человечества»³. XVIII век, закат которого застал в раннем детстве писатель, был, пожалуй, последним веком уходящего единства человека и окружающей его живой природы. Может быть, как никто понимая это, С. Т. Аксаков спел свою песню прощания с потерянными раем человечества. И в каждой её ноте была лелеющая душу искренность.

Приступая к своему «первому опыту на русском языке» – отечественные читатели действительно не знали ничего подобного, – писатель оговаривается, что это «не трактат об ужении, не натуральная история рыб. Моя книжка ни больше ни меньше как простые записки страстного охотника...». Однако, как заявил журнал «Современник», книга дала «более, чем обещает заглавие».

«Записки об ужении рыбы» вышли в 1847 году. Современники, благосклонно приняв её и осваивая небывалую простоту стиля, не торопились назвать явление своим словом. Это похоже на ошеломление непредвиденным, осмысление его. Зато вышедшие через пять лет «Записки ружейного охотника» вызвали уже взрыв восторженных рецензий. «Такой книги ещё у нас не бывало», – писал автору Тургенев (1, 42). Но и писателя такого не было. Чудо случилось раньше, именно с появлением «тихих» записок о мало кому известной страсти «тихого, невинного ужения»⁴. В русскую литературу после Пушкина пришёл новый светоносный художник.

«Записки» энциклопедически широки охватом жизненных явлений. Здесь и элементы риторически отвергнутых автором «трактата об ужении и натуральной истории рыб», и географии, и этнографии, и психологического очерка. Здесь великолепный, блистательный, огромного словарного запаса русский язык – всё более забываемый нами. И, конечно, «Записки» производили бы совсем другое впечатление, не будь в них самой личности автора. Читателя захватывают и авторское эстетическое наслаждение даже видом рыболовной снасти, и его редчайший дар богатейшего видения мира – до мельчайших его проявлений. Писатель страстен во всём: и в описаниях крючка и поводка, и самого процесса ужения, когда «легко может взять огромная рыба на среднюю и даже на маленькую удочку», заключая сюжет характерным восклицанием: «И страшно, и весело бывает тогда рыбаку!..».

О чём бы ни сообщал С. Т. Аксаков в своих «Записках», всё словно погружено у него в дымку поэзии. Нередко эта чисто аксаковская дымка сгущается до миниатюрных шедевров поэзии в прозе, как, например, в главе «О выборе места»: «Я должен признаться, что пристрастен к запруженной реке. Вид пруда и мельницы, стук её снастей, шум падающей воды – приводят в тихое и сладкое волнение душу старого рыбака. Чем-то дорогим, прошедшим глядят воды и водяные травы, шумят вертящиеся колёса, дрожит мельничный амбар и пенятся кипящие под ним волны!»⁵

³ Эккерман И.-П. Разговоры с Гёте / Пер. с нем. Н. Ман. Вступит. статья А. Аникста. – М.: Худож. лит., 1981. – с.582

⁴ Эккерман И.-П. Разговоры с Гёте/Пер. с нем. Н. Ман. Вступит. статья А. Аникста. – М.: Худож. лит., 1981. – с.582

⁵ Аксаков С. Т. Записки об ужении рыбы. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2011. – с.33

Читая «Записки», так и видишь их автора, знающего и бывалого человека. Он давно уже привёл в стройную систему явления мира и теперь, пользуясь случаем, легко, ненавязчиво, с еле заметной самоироничной улыбкой делится накопленным.

Вот какой естественный повод для метафоры дал ему обыкновенный ёрш, изображённый, кстати, с такой яркой предметностью, что его без усилия может вообразить и никогда ерша не видавший: «Имя ерша, очевидно, происходит от его наружности: вся его спина, почти от головы и до хвоста, вооружена острыми, крепкими иглами, соединёнными между собой тонкою пёстрою перепонкою; щёки, покрывающие его жабры, имеют также по одной острой игле, и когда вытащишь его из воды, то он имеет способность так растопырить свои жабры, так взъерошить свой спинной гребень, что название ерша, вероятно, было ему дано в ту же минуту, как только в первый раз увидел его человек... Русский народ любит ерша; его именем, как прилагательным, называет он всякого невзрачного, задорного человека, который сердится, топорщится, ершится».⁶

Поражаешься этой острейшей внимательности его взгляда. Ничто, кажется, не может уйти из поля зрения поэта-исследователя, всё находит место в «Записках», этой инвентарной книги природы. И сам, взявший удочку много лет назад, делаешь для себя открытия на её удивительных страницах. Ну, например, что у того же ерша глаза тёмно-синие, а у окуня – жёлтые с черными зрачками. Неужели не замечал этого, сотни раз снимая с крючков ершей и окуней? Замечал, конечно, но и уходили эти заметки мгновенно – стирались новыми впечатлениями, обесцвечивая жизненную палитру. Не спешить, не гоняться за призраками счастья, а видеть в настоящем «остановленные прекрасные мгновенья» исподволь учит автор «Записок».

В наши дни переоценок многих ценностей, думается, пришло время «внимательным чтением», как говорил Пришвин, перечитать своих классиков. В их заветах – чувство пути.

Для предельной сфокусированности художественного взгляда в «Записках» для «всевидения» писателя была и ещё одна причина. К середине 1846 года С. Т. Аксаков почти ослеп: «левым глазом я не вижу и солнца, а правым на всё гляжу сквозь сетку пятен... и ключев»... Диктуя домашним страницы «Записок», он всматривался в пережитое уже как бы внутренним зрением, тем более отчётливым, чем менее непосредственно мог видеть мир, который так любил. Если учесть, что после «Записок об ужении рыбы» он, перешедший 60-летний рубеж, в дни и часы, когда отпускала глазная боль, надиктовал «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и главные свои книги «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», то такая жизнь воспринимается как писательский и человеческий подвиг. В этом – ещё один урок аксаковского творчества.

«Жизнь подобна игрищам, – сказал философ и математик Пифагор, – иные приходят на них состязаться, иные – торговать, а самые счастливые – смотреть». Счастливому случаю, судьбе ли обязан писатель тем, что именно «обетованный» Оренбургский край, где с XVIII века «кипел народный котёл» переселенцев двадцати российских губерний, стал его творческой лабораторией. Здесь, с удочкой или ружьем, на приусадебном пруду или в окрестных полях и лесах вынашивал он свое миропонимание дальнего прицела.

«Художественно спохватиться» помог совет Гоголя в 1847 году: «Если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми... с верными описаниями характеров их, вы бы усладили много этим последние дни ваши, а между тем доставили бы детям своим много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшее познание русского человека».

⁶ Аксаков С. Т. Записки об ужении рыбы. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2011. – с. 84

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.